

ОБ ОДНОМ ИНДОНЕЗИЙСКОМ ПЛЕМЕНИ И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЕ¹

Все, кто занимается этнографией Юго-Восточной Азии, в очень сильной степени зависят от трудов зарубежных исследователей. Они тоже бывают разные, и каждый из нас нередко переживал такие состояния, когда, потратив много сил на поиски книги, заглавие которой, кажется, отражает именно то, что тебя интересует в данный момент, после знакомства с ней разочарованно откладывал ее в сторону. Однако встречаются порой труды настолько замечательные, что от чтения их испытываешь истинное творческое наслаждение, но в то же время и сожаление оттого, что в наших условиях подобных работ не создать. И отнюдь не потому, что не хватает общей теоретической подготовки или знаний. Недостает живого, непосредственного общения, собственных впечатлений, которые способны превратить научное произведение с высоким уровнем теоретического обобщения в увлекательное чтение о жизни изучаемого народа. Знакомству именно с такой интересной книгой и посвящено данное сообщение-рецензия. Книга под названием «Лиа. Большой ритуал на Ментавайских островах» [Scheffold 1988]² недоступна даже для специалистов по Индонезии, не говоря уже о других, ее нет в библиотеках. А если при этом учесть, что в богатой в целом коллекции предметов по Индонезии в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого отсутствуют предметы с Ментавайских островов, то не будь этой книги, снабженной к тому же прекрасными иллюстрациями, этнографической науке осталась бы неизвестной интереснейшая архаичная культура, в полной мере развивающаяся в наши дни, почти не затронутая цивилизацией соседних народов.

Автор книги Раймар Шефолд, возглавляющий ныне кафедру этнологии Лейденского университета (Нидерланды), имеет многолетний опыт полевых исследований на островах Ментавай и Сулавеси, а также в Тунисе; у него много трудов по культурной антропологии. Данная книга посвящена ментавайцам, вернее, жителям острова Сиберут — одного из четырех Ментавайских островов, расположенных к западу от Суматры. А если быть еще более точным, то в ней исследуется одна этническая группа этого острова, называемая *секуддей*. Площадь острова — 4480 кв. км, число жителей — 20 тыс. человек. Плотность населения — примерно 4 человека на 1 кв. км. Остров почти пустынный, есть долины совсем ненаселенные. Особенно резко контрастирует он в этом отношении с соседним островом Ниас, где примерно на такой же площади живет около 400 тыс. человек. Из 20 тыс. обитателей острова Сиберут племя, или этническая группа, *секуддей* насчитывает не более 800 человек, если принять во внимание, что

---

¹ Впервые опубликовано в: Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995. Вып. 2–3. С. 367.

² Scheffold R. Lia: Das grosse Ritual auf den Mentawai-inseln. Berlin, 1988. 695 S.

они занимают 19 общинных домов (*ума*), в каждом из которых живет по 35–40 человек.

Автор получил этнологическое образование в Базеле (Швейцария), где и защитил диссертацию. О племени секуддей он впервые услышал в 1966 г., когда после защиты диссертации приехал в Голландию, чтобы получить возможность вести полевую работу среди какого-нибудь индонезийского народа. Интересы Р. Шефолда лежали в сфере религиозных представлений, он намерен был изучать их не по книгам, а в живой повседневности. В списке народов, которых он предполагал исследовать с этой точки зрения, ментавайцы стояли на первом месте. Придя к Хельмуту Бухгольцу, первому протестантскому миссионеру, побывавшему на острове Сиберут, и задав ему вопрос о племени секуддей, он получил ответ: «На все попытки индонезийского правительства вступить с ними в контакт они отвечают стрельбой из лука». «Для меня это уже многое обещало», — замечает автор. Желание изучать именно данное племя только укрепилось. И он стал готовиться к поездке на остров в качестве гостя от Института тропиков в Амстердаме.

До него полевую работу среди секуддеев никто не проводил. Правда, о Ментавайских островах существовала довольно обширная литература уже начиная с XVIII в., но она относится в основном к двум островам, жители которых переселились с острова Сиберут. О самом же Сиберуте было известно очень мало. А об этом острове следовало бы написать обстоятельное монографическое исследование. И в 1967 г., когда Шефолд впервые отправился на Сиберут, у него было такое намерение. Однако уже тогда он понимал, что подобное исследование — лишь первый подступ к тому, чтобы исследовать и объяснить модели поведения ментавайцев, вскрыть их явный или скрытый смысл. То, что ключ к этому находится в ритуале, Шефолд тогда еще не представлял себе столь отчетливо. К тому же автор прибыл на остров в весьма неудачное для полевой работы время: индонезийское правительство проводило политику «аккультурации» и пыталось переселить коренных обитателей из их традиционных общинных домов в современные типовые жилища, построенные в специально организованных поселках с церковью. Секуддеи сопротивлялись, убегали в горы, вверх по течению рек.

Р. Шефолд заранее договорился о своем прибытии, но, приплыв вместе с миссионерами на лодке к определенному месту, никого не увидел, а общинный дом показался ему заброшенным. Рядом с ним находился только один старик, еле ответивший на приветствие. Однако как только прибывшие произнесли по-ментавайски приветствие: *Анай леу ума* («Теперь мы вместе»), — из темноты дома появилось около дюжины мужчин. Настроение изменилось. Секуддеи внимательно рассматривали часы, рубашки, фотоаппараты прибывших. Большинство из них никогда до этого не видели белого человека, лишь один старик вспомнил, что когда-то остров посещали голландцы. Гости сказали, что слышали о секуддях именно от голландцев и приехали их изучать и написать о них. Тем временем секуддеи очень внимательно наблюдали, как ходят часы, как работает фотоаппарат. Кон-

такт установился быстро, и уже через некоторое время секуддеи спросили, не хотят ли прибывшие осмотреть дом. Самое первое впечатление у автора от секуддеев — необычайная замкнутость образа жизни. Секуддеи дали понять, что они сознательно так реагируют на стремление правительства изменить их традиционный быт. Первое знакомство закончилось праздником; секуддеи обещали построить для автора отдельную хижину рядом с их традиционным общинным домом. Сам Шефолд остался жить среди этих людей и пробыл там два года: с 1967 по 1969. Позже — в 1974, 1978 и 1983 гг. — он жил у них по несколько месяцев.

Р. Шефолд начал с того, что стал изучать ментавайский язык. Его учителем был 20-летний ментаваец по имени Тенгатити (что означает «полутатуированный»), ставший настоящим другом ученого и сопровождавший его повсюду в течение двух лет. Говорили они только по-ментавайски, и всю полевую работу автор вел на ментавайском языке. Через 4 месяца для Шефолда был готов дом. Секуддеи часто посещали его, находили там много для себя интересного, даже иногда оставались в доме на ночлег. Ученый же, в свою очередь, нередко ночевал в общинном доме. Сначала Шефолд спрашивал совсем немного, просто он жил той же жизнью, что и секуддеи, принимал участие в их работах. Секуддеи охотно объясняли ему, как, например, строится дом, добывается и приготавливается пища и т. п. Постепенно завязывались темы для долгих бесед. А через некоторое время секуддеи обнаружили, что Шефолд все еще не является жителем традиционного общинного дома, т. е. членом их общины. И вот через 5 месяцев пребывания у секуддеев ученый был принят в члены традиционного дома, т. е. прошел ритуал адаптации. Теперь он становился полноправным участником всей ритуальной жизни, в том числе и того грандиозного ритуала, анализу которого посвящена рецензируемая книга. В течение двух лет Шефолд трижды принимал участие в данном мероприятии, переживал его так же, как и все другие члены общины — исполнители и участники ритуала, и смог дать описание его изнутри — не просто как наблюдатель, а как активный участник.

Ритуал, называемый *пулияят* (от слова *лиа* — «петух», главная жертвенная птица), составляет основную тему книги. Он занимает ключевое место в жизни секуддеев, именно в нем реализуются главные религиозные представления, ценностные ориентации и установки, о чем пойдет речь дальше. А исследованию собственно ритуала предшествует в деталях монографическое описание этнографической группы секуддеев, необходимость которого автор сознавал еще тогда, когда только приступал к ее изучению. В свою очередь, описание это во многом стало возможным благодаря тому, что ученый увидел жизненный уклад племени сквозь призму ритуала. Книга, таким образом, распадается на две большие части: первую можно было бы определить, по принятой у нас терминологии, как «историко-этнографический очерк», вторая посвящена собственно ритуальной жизни.

В первой части даются сведения по происхождению, ранней этнической истории, космологии, мифологии, родственным связям, религиозным представлениям, занятиям секуддеев. Перед читателем весьма зримо про-

ходит жизнь единственной в своем роде этнической группы, разбросанной по нескольким долинам острова. Живут секуддеи большими семьями в традиционных домах, по 35—40 человек в каждом, а всего, как уже говорилось, таких домов 19. Каждый из них занимают 5—10 семей, состоящих из кровных родственников и adoptированных. У каждой семьи в общинном доме имеется комната, в которой спит обычно мать с детьми; мужа и сыновья ночуют, как правило, на галерее в передней части дома. Кроме того, на поле у каждой семьи есть отдельный дом, где собираются все ее члены. Там же они держат свиней и кур, в этом же доме ночуют мужья. Жилища разбросаны по всему острову, по берегам рек. На острове нет больших дорог, к домам ведут только тропинки, а так как весь остров к тому же изрезан небольшого размера речками, то сообщение между жителями домов происходит в основном при помощи лодок-долбленок. Все дела, касающиеся общинного дома, решаются вместе мужчинами и женщинами. Секуддеи настроены обычно на дружеские отношения, стараются всячески улаживать конфликты, которые, конечно, время от времени возникают. Случается, что в целом дружеские связи, подкрепленные еще и брачными, вдруг подчас по совершенно ничтожному поводу могут перейти в неприязненные.

Основные занятия мужчин — добывание саго, охота. Основные занятия женщин — выращивание таро и ямса, ловля рыбы. Кокосовые пальмы находятся в личной собственности семьи. Главные продукты обмена с торговцами Суматры — орехи и ротан. Их обменивают обычно на ножи и другие изделия из железа. Сами секуддеи не знают обработки металла. Их одежда, весьма минимальная, сделана из растительного волокна. Автор очень подробно описывает жизненный цикл, права наследования, систему родства. Как явствует из вышесказанного, секуддеи образуют эгалитарное общество, но у них выделяются три категории людей, причем не по социальному или общественному положению, а по особым знаниям: распорядитель ритуала (*римата*), лекарь (*керей*), колдун (*пананае*). Очень выразительны портретные характеристики этих людей и жены распорядителя ритуала («настоящей матроны»). Великолепны также их фотографии, как и вообще снимки отдельных сцен жизни.

Поток жизни секуддеев с ее хозяйственными заботами, болезнями и их лечением, постройкой домов, свадьбами, рожденьями, похоронами, конфликтами, табу, заклинаниями и т. д. представлен во всей обыденности, иногда драматичности, но всегда необычайно содержательно и красочно. Явно выделяется ритуальный аспект этой деятельности. Он буквально поглощает время людей; во всяком случае, с точки зрения прагматического человека может показаться, что секуддеи очень непродуктивно расходуют время, ибо знаковая, символическая функция их поведения заметно доминирует над практической. И это действительно так, а вернее — в жизни секуддеев не различаются и не противопоставляются друг другу экономический, религиозный или социальный аспекты, они равнозначны и связаны друг с другом.

Напомню, что описание жизни и мировоззрения секуддеев с самого начала было для автора лишь прологом для раскрытия глубинной символики

и внутренней мотивировки их поведения. Время от времени, замечает Р. Шефолд, сравнительно мирное течение жизни буквально взрывается, наступает потребность общественно-религиозного очищения. Устраивается грандиознейший спектакль, в котором находят высшее кульминационное выражение религиозные представления и как бы обнажаются характер и специфика взглядов на окружающий мир, порой вступая в противоречие с повседневной жизнью, на почве которой они выросли. Эта церемония, называемая *пулияят*, как уже отмечалось, аккумулирует в себе отдельные ритуалы, являющиеся постоянной реальностью жизни. Названный грандиозный ритуал длится около месяца. Поводы для его устройства могут быть самыми разными: отнюдь не обязательно какие-то экстраординарные события, а даже, наоборот, вещи вполне обыденные — приобретение ценного предмета (например, гонга) для всей общины, ремонт старого или постройка нового общинного дома, принятие очередного члена в общину, скопление одновременно множества неблагоприятных предзнаменований, которые следовало бы устранить, улаживание конфликта, установление мира и т. п. Поводов для устройства такой церемонии может быть даже несколько, что случается чаще всего. Она не приурочена ни к какому-либо определенному времени, не носит регулярного характера, но обязательно совершается хотя бы один раз в год. Дело жреца — объявить о подготовке к празднику, который является кульминационным моментом жизни общины, демонстрацией ее единства. Нет ни одного члена общины, который бы не участвовал в данном грандиозном мероприятии: одни украшают цветами место представления, другие строят его, третьи приносят жертвенную еду, четвертые исполняют танцы, песнопения и т. д. В это время каждый член общины реализует свои творческие способности, которые в повседневной жизни могут остаться незамеченными.

Следует особенно отметить, что сам Р. Шефолд трижды был непосредственным участником названного ритуала. Первый раз его адаптировали в общину (ритуал длился 10 дней), в двух других случаях он участвовал в ритуале по устранению неблагоприятных предзнаменований и по поводу приобретения нового гонга, а также в связи со смертью лекаря из соседней общины. Кроме того, он имел возможность наблюдать подобный ритуал у других групп населения. И как результат — красочная, впечатляющая картина ритуала — зрелища в единстве его словесного, действенного, музыкального, изобразительного и многих других аспектов. Самым тщательным образом описано поведение как главного распорядителя ритуала и его помощников, так и всех его участников, в том числе детей. Подробно освещены пространственная организация, жертвоприношения, гадания по внутренностям петуха и свиньи, танцевальные представления, переходящие в транс, театральные действия с диалогами, пантомимой, хором — и все это не как просто сопутствующие ритуалу эффекты, а как сама его сущность. Режиссер всего мероприятия — жрец, помощниками выступают его жена и лекари. В самом же действе, сочетающем в себе словесное, цветовое, театрально-изобразительное, музыкальное, песенно-танцевальное искусство

и множество прагматических, религиозных и эстетических функций, обнаруживается причастность каждого члена общины к благу всей общины в целом. Поэтому самой подходящей метафорой для указанного действия, с точки зрения автора, было бы «благосостояние или благополучие души».

Всего сказанного о книге, дающей столь подробное и красочное представление о жизни неизвестного до сих пор племени, вполне достаточно, чтобы причислить ее автора к редко встречающейся ныне породе первопроходцев и первооткрывателей в науке. Пока речь шла о содержательной стороне книги. Но, как уже не раз говорилось, Р. Шефолда в первую очередь интересовало осмысление ритуала, проникновение в суть мировоззрения изучаемого народа. Конкретный материал, которым насыщена книга, неотделим от теоретической его интерпретации. В своем подходе к анализу конкретики автор исходит из определенных теоретических предпосылок, которые на протяжении всего последующего изложения оттачиваются, совершенствуются и, наконец, логично, естественно переходят на новый уровень теоретических обобщений. При этом надо подчеркнуть, что ему удается в равной степени создавать живые зарисовки образа жизни секундеев, запоминающиеся портретные характеристики отдельных действующих на страницах книги лиц и в то же время вовлекать читателя в свои рассуждения, теоретические построения, сомнения, поиски, иными словами, в свою творческую лабораторию. И это приглашение к совместным размышлениям действует таким образом, что обширная по объему и далеко не легкая для восприятия и понимания книга читается с неослабевающим, а порой и буквально захватывающим интересом.

Р. Шефолд уже на первых страницах своего исследования прямо говорит, что его исходное отношение к ритуалу — это теория выдающегося ученого В. Тэрнера. Вслед за ним автор видит в ритуале смысл существования первобытного коллектива. Столь же основательно, как и этнографическое описание, он представляет ритуал во всей его полноте, многозначной символической деятельности, жестов, сопровождающих атрибутов. В континууме ассоциативных связей автору удается каждый раз выделить именно тот контекст или сегмент, в котором так или иначе акцентируется символическое значение объекта или действия. Такая символика может быть иногда противоположной обыденному значению. Показательно, например, раскрытие многозначной природы кокосового ореха, выступающего в своем прямом смысле как еда и в то же время как средство обмена, символ здоровья отдельного человека и всей группы и, наконец, обделенного свойствами оборонительного и охранительного характера в силу того, что он часто становится объектом воровства.

Символика ритуального действия, занимающая огромное место в книге, заслуживает отдельного разговора. В рамках общей характеристики этого исследования можно только несколькими словами обрисовать важность данной темы, оставляя ее подробный анализ на будущее. Добавлю только, что автор не останавливается на раскрытии символической, через некоторое время он производит как бы перепроверку своих выводов. Спустя 4 года

после формулировки основных результатов изучения ритуала секуддеев он трижды посещает остров (1974, 1978 и 1983 гг.) и по специально разработанной им методике проверяет свою прежнюю интерпретацию, обращаясь как к прежним информантам, так и к тем представителям племени секуддей, которые переехали жить на Суматру и усвоили в определенной степени иные культурные традиции. Это дало не только дополнительный материал о функциях ритуала, но и позволило увидеть в новом свете ранее описанные факты. В заключение можно только констатировать, что с появлением книги Р. Шефолда этнографическая наука обогатилась незаурядным исследованием не только в индонезистике, но и в общетеоретической области. Повезло и неизвестному до сих пор ментавайскому племени, ибо оно сразу обрело ученого, описавшего жизнь и культуру секуддеев с такой глубиной и блеском, что его книга сразу встала в ряд этнографической классики.